

ББК 63.3(2)2-9

*А.М. Илюшин***Культурная традиция сооружения мест проживания у средневекового населения Кузнецкой котловины***A.M. Ilyushin***Cultural Tradition in Building Places of Residence of the Medieval Population Settled in the Kuznetsk Hollow**

Обобщается информация о результатах археологических исследований средневековых поселений в Кузнецкой котловине. Осуществляется картографирование и классификация этих памятников. Изучаются планировка и функциональное назначение объектов на средневековых поселениях и городищах. Исследуется культурная традиция сооружения места проживания у средневекового населения Кузнецкой котловины. Сравнивается средневековая традиция сооружения мест проживания с традициями предшествующего и последующего хронологических периодов в истории культуры Кузнецкой котловины. Фиксируются черты преемственности и инновации.

Ключевые слова: Кузнецкая котловина, Средневековье, поселение, городище, жилище, культурная традиция, инновации.

Места проживания относятся к одной из самых многочисленных категорий средневековых археологических памятников на территории Кузнецкой котловины и прилегающей к ней границе лесостепи и горной тайги северного Саяно-Алтая. Эти объекты историко-культурного наследия являются важными источниками информации по истории региона, а также статике и динамике его локальной культуры, позволяющие наблюдать культурную традицию сооружения мест проживания во времени и пространстве. Последнее и является целью настоящей работы. Для ее достижения необходимо решить ряд задач. Во-первых, собрать и обобщить информацию о результатах полевых исследований средневековых поселений в Кузнецкой котловине. Во-вторых, картографировать места проживания средневекового населения и исследовать закономерности их расположения. В-третьих, классифицировать исследуемые объекты. В-четвертых, изучить планировку и функциональное назначение объектов. В-пятых, провести сравнительный анализ средневековых мест проживания с аналогичными объектами предшествующего и последующего хронологических периодов в истории культуры Кузнецкой котловины.

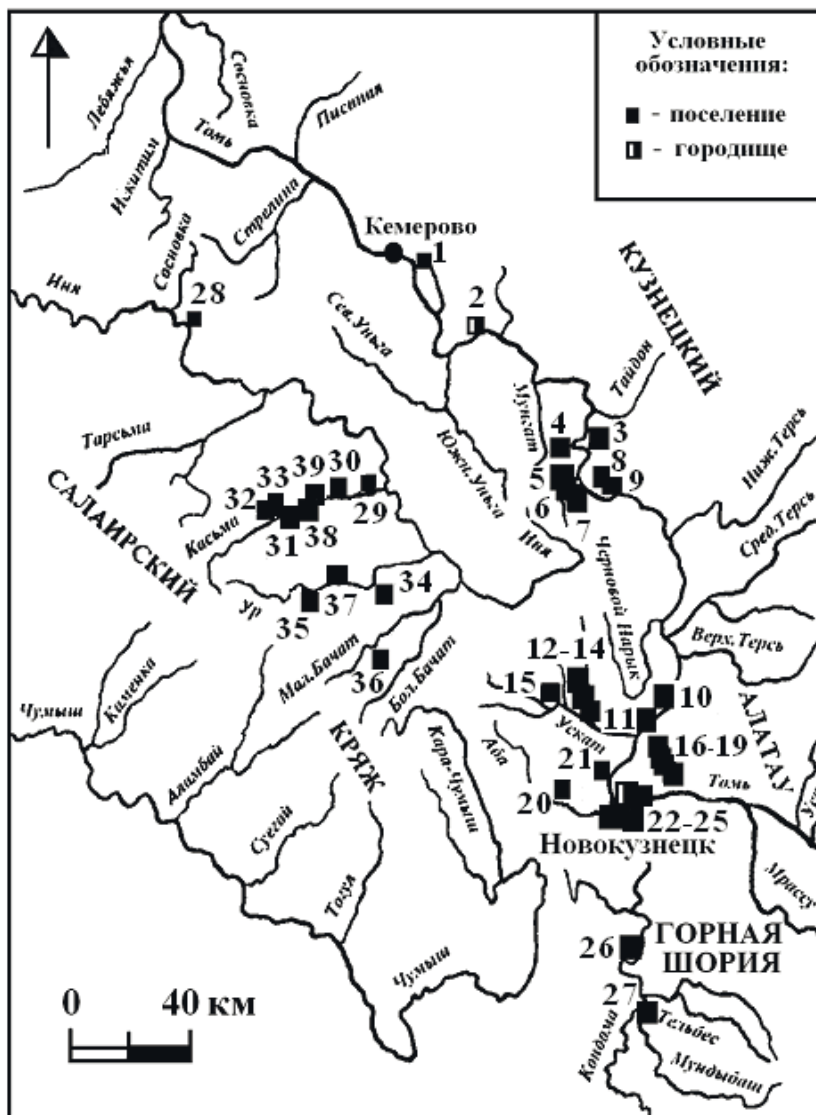
The work generalizes information on results of archaeological researches on medieval settlements in the Kuznetsk hollow, draws maps and classifies these monuments. The lay-out and functional purpose of objects in medieval settlements and sites of ancient settlement are studied. The cultural tradition in building the place of residence of the medieval population in the Kuznetsk hollow is investigated. The medieval tradition of constructing places of residence is compared with traditions of the previous and subsequent chronological periods in the history of culture of the Kuznetsk hollow. The author fixes continuity and innovation features.

Key words: Kuznetsk hollow, Middle Ages, settlement, site of ancient settlement, dwelling, cultural tradition, innovations.

Изучение средневековых поселений в Кузнецкой котловине было положено в конце 1920-х гг. кузнецкими краеведами, которые открыли и частично обследовали в черте города многослойное поселение Маякова гора. Это событие и последующая история открытий и изучения средневековых поселений подробно освещены в специальных и обобщающих исследованиях [1, с. 7–73; 2, с. 60–61; 3, с. 17–24; 4, с. 140–148; 5, с. 105–112; 6, с. 6–16; 7]. По своду памятников археологии Кемеровской области в 1989 г. на территории Кузнецкой котловины было выявлено более 100 мест проживания средневекового населения [6, с. 55–134]. Однако критическое исследование этой информации позволяет дать культурную характеристику для меньшего числа памятников. Основанием для этого являются научные публикации и рукописные отчеты исследователей, а также материалы архивов и фондов музеев. Много источников информации утрачено (из личных архивов исследователей и фондов музеев Кемеровской области). Нами предпринимались специальные археологические разведки и раскопки для повторного выявления и исследования отдельных средневековых поселений. В результате работы с различными видами информации удалось собрать и обоб-

шить сведения по 39 средневековым поселениям, расположенным на территории Кузнецкой котловины по бассейнам двух главных речных артерий – Томи и Ини, с севера на юг (рис., 1–39). Материалы подъемных сборов, шурфов и раскопок с мест проживания средневекового населения в Кузнецкой котловине частично уже были введены в широкий научный оборот и исследованы на предмет их датировки, культурной и этнокультурной принадлежности [1, с. 7–73; 3, с. 43–74, 119–129; 8; 9, с. 383–386; 10, с. 165–179;

11, с. 58–68; 12, с. 174–176; 13, с. 36–64; 14, с. 36–50; 15, с. 65–76; 16, с. 34–37; 17, с. 69–112; 18, с. 153–162; 19, с. 272–297; 20, с. 13–14; 21]. Таким образом, в результате 80-летнего изучения средневековых поселений Кузнецкой котловины можно сделать вывод о том, что в настоящее время накоплена достаточно большая база источников для проведения углубленных исследований культурных традиций сооружения и функционирования мест проживания у средневекового населения этого региона.

Карта расположения средневековых поселений и городищ на территории Кузнецкой котловины:
 1 – Люскус-2; 2 – Городок; 3 – Ажендарово-2; 4 – Лачиново-1; 5 – Курья-2; 6 – Курья-4; 7 – Курья-7;
 8 – Сосновка-3; 9 – Сосновка-4; 10 – Ерунаково-3; 11 – Казанково-5; 12 – Кыргай-1; 13 – Кыргай-2;
 14 – Васьково-1; 15 – Красулино-1; 16 – Бардино-4; 17 – Есауловское-1; 18 – Есауловское-2;
 19 – Есауловское-3; 20 – Ильинка-5; 21 – Глуховское; 22 – Водный; 23 – Маяк; 24 – Кузнецкий острог-2;
 25 – Блиновское; 26 – Подстрелка; 27 – Мундыбаш; 28 – Васьково; 29 – Сапогово-3; 30 – Красная Горка;
 31 – Торопово-4; 32 – Шабаново-5; 33 – Шабаново-10; 34 – Саратовка-6; 35 – Анчешевка; 36 – Гурьевское;
 37 – Усть-Канда-2; 38 – Торопово-7; 39 – Мусохраново-6

Картографирование средневековых мест проживания в Кузнецкой котловине свидетельствует, что эта категория археологических памятников образует три скопления. Первое скопление насчитывает девять поселений, которые располагаются в восточной и северо-восточной части Кузнецкой котловины, в бассейне среднего течения Томи (рис., 1–9). Памятники из этого скопления, как правило, располагаются на берегах Томи близ устья небольших речек или ручьев, а также на притоках или старицах. Второе скопление мест проживания средневекового населения насчитывает 18 поселений, которые располагаются в юго-восточной и южной части Кузнецкой котловины, в бассейне верхнего течения Томи и нижнего течения Кондомы (рис., 10–27). Памятники из этого скопления располагались на берегах крупных рек – Томи и Кондомы и их притоков первого и второго порядков, вблизи впадения небольших ручьев и речушек. Третье скопление состоит из девяти поселений и располагается в западной и северо-западной частях Кузнецкой котловины, в бассейне Ини (рис., 28–39). Расположение памятников третьего скопления тоже стандартно – на берегах Ини и ее притоков первого и второго порядков вблизи небольших речушек или ручьев. Стандартность расположения средневековых мест проживания по отношению к природной гидросистеме Кузнецкой котловины позволяет предполагать, что ручьи и реки выполняли знаковые территориальные функции между различными социальными группами. А сам факт наличия стационарных и сезонных поселений в пределах этих границ косвенно указывает на то место, которое занимал этот коллектив в социальной структуре средневекового населения Кузнецкой котловины.

Многие поселения располагаются в предтаежной зоне или на границе степи или лесостепи с горнотаежными массивами Кузнецкого Алатау, Горной Шории и Салаирского кряжа (рис., 1–39). Вероятно, эта близость мест проживания средневекового населения к горно-таежному физико-географическим провинциям была обусловлена природными богатствами сибирской тайги и ориентацией средневековой экономики на присваивающие формы хозяйствования. При этом большое количество средневековых поселений располагалось, как правило, на тех же местах, что и аналогичные памятники эпохи бронзы и железа, и поэтому являются многослойными.

Исследователи средневековых мест проживания в Западной Сибири классифицируют эти объекты по различному набору признаков. В основе этой процедуры используются сезонные, фортификационные, топографические, топографо-функциональные, временные, социальные признаки, а также размеры [8, с. 11–13; 12, с. 174–176; 22, с. 41–50; 23, с. 103–108; 24, с. 112–129; 25, с. 5–12; 26, с. 6–28; 27, с. 6–7; 28, с. 10–16]. Такое разнообразие классификационных признаков и объясняет тот факт, что исследователи

мест проживания средневекового населения Кузнецкой котловины по-разному называли порой одни и те же памятники. Новокузнецкие археологи такие памятники, как Есауловское, Есауловское-1, Есауловское-2 и другие, называли селищами [7; 14; 19, с. 296–297; 20, с. 14], а кемеровские специалисты – поселениями [6, с. 80–81]. Однако в последнее время исследователи стали применять единую терминологию, понимая под термином «поселение» место проживания, а затем называть их в зависимости от употребляемой ими классификации этих памятников, которая определяется в зависимости от поставленной задачи конкретного исследования [2; 3; 9; 12; 13; 15; 18].

Данные картографирования (рис., 1–39) свидетельствуют о том, что средневековое население Кузнецкой котловины в качестве расположения мест проживания преимущественно выбирало различные террасы рек. Исходя из этого расположения поселений на местности можно утверждать, что практически все описанные выше места проживания средневекового населения Кузнецкой котловины относятся к одному типу – речному. Известно, что речной тип заселения являлся характерным для населения лесной и лесостепной зон Западной Сибири с глубокой древности до этнографической современности. Исследователи объясняют этот факт коммуникативной ролью естественных водных артерий, ведением охотничье-рыболовческого хозяйства и положительными тактическими характеристиками этой части рельефа [29, с. 21–31; 30, с. 77–80; 31, с. 12].

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы и публикации коллег позволяют все известные на сегодня места проживания средневекового населения разделять на две группы памятников – укрепленные поселения (городища) и неукрепленные поселения – и исследовать их самостоятельно. За весь долгий период изучения средневековых древностей Кузнецкой котловины археологами были зафиксированы и изучены лишь два городища – Маяк и Городок (рис., 2, 23). На месте городища Маяк долгое время, с эпохи бронзы, функционировало неукрепленное поселение, вероятно, с перерывами, а оборонительные сооружения были воздвигнуты лишь в эпоху Средневековья [22]. Городище Городок возникло в указанную эпоху сразу же как укрепленное поселение [16–17].

Сейчас можно лишь предполагать, что укрепленных поселений на территории Кузнецкой котловины было больше, и вести их целенаправленный поиск. Не исключено, что их малое количество объясняется и фактом ведения активного землепользования на территории Кузнецкой котловины в новый и новейший периоды истории, что привело к уничтожению многих исторических памятников. В их числе могли быть и городища, которые, как правило, занимали видное место, используя особенности рельефа. Так, в частности, по архивным материалам М.Г. Елькина известно

средневековое городище Тайба на одноимённой реке в пределах современного Прокопьевского района, где в 1923 г. местный житель нашел кольчугу. Но в 1946 г. земля, на которой располагалось это городище, была передана шахтам Зиминка и Красногорская для отсыпки терриконов, и памятник, будучи не обследованным, оказался погребённым под отвалами, площадь которых занимает десятки квадратных километров [11, с. 62–63].

Малочисленность укрепленных поселений определяется еще и тем, что, как правило, такие объекты выполняли конкретную социально-экономическую и отчасти военную и политическую функции. В эпоху Средневековья они отождествляются с крепостями, которые защищают этнические или политические границы или с административными центрами, где под защитой сооружений и охраной воинов проживали семьи местных князей, глав или старейшин родов. Естественно, что таких поселений и должно было быть меньше, чем неукрепленных, но каково было их реальное соотношение в изучаемый период истории, нам неизвестно. По той информации, которой мы располагаем, это соотношение составляет 2 к 37. Но при этом необходимо уточнить датировку двух известных городищ и соотнести их с кругом одновременных поселений, что, несомненно, уменьшит существующую диспропорцию в последующем.

Два средневековых городища располагались на высоких коренных правобережных террасах Томи. По планам этих памятников видно, что жилые и хозяйственные сооружения совместно с фортификационными конструкциями искусно используют естественные природные ландшафты, перекладывая на них оборонительные функции. Городище Маяк было укреплено с двух сторон глубокими оврагами с 20-метровыми отвесными скатами, с третьей – крутым берегом пересохшей речки и лишь с четвертой – валом, у которого был ров с напольной стороны. Городище Городок с северо-запада было ограничено глубоким рвом и валом, с юга – крутым обрывом берега Томи, а с востока – глубоким сухим оврагом четвертичного происхождения [16, с. 34–36; 20, с. 13]. Место расположения двух городищ явно указывает, что на обрывистых берегах наверняка имелись специальные площадки-пристани. Однако следов этих сооружений обнаружено не было. Их разрушение можно объяснить паводками.

Раскопки на городище Городок позволили установить, что укрепления городища разрушились после пожара, а также реконструировать внешний облик всего памятника. Система укреплений городища представляла собой сложную деревоземляную конструкцию. Она начиналась со рва, глубина которого с напольной стороны достигала 2,5 м, а ширина была не менее 3,5 м. Между деревоземляной стеной и рвом была чистая площадка (берма) шириной до 1 м, пре-

пятствующая заполнению рва оплывающим грунтом внешней обваловки деревянной стены. Деревянный редан высотой не менее 3 м представлял собой срубное сооружение 3,5×3,5 м, которое было открыто вовнутрь городища. В основе деревянной крепостной стены лежали вертикально вкопанные массивные сосновые бревна, которые располагались на расстоянии 1–2 м друг от друга. На эти столбы с напольной стороны в горизонтальном положении крепились сосновые полубревна, внизу присыпанные материковым песчаником из рва и обложенные дерновой крепидой. Вход в пределы городища находился в западной части и представлял собой пустое пространство в стене, не шире 1,5 м, укрепленное по бокам деревянными плахами и перемышку во рву, которая была укреплена крепежом из полубревен [16, с. 34–36]. Таким образом, оборонительная система двух средневековых городищ, известных нам сегодня, отличается максимальным использованием топографических особенностей рельефа местности и относительной простотой возведения. У них была лишь одна фортификационная линия, включающая такие деревянно-земляные конструкции, как ров, вал, рудут и бревенчатый забор. Хотя на городище Маяк двух последних конструкций не обнаружено, но они наверняка существовали. Об этом свидетельствует факт наличия рва и вала на этом городище. Последний выполнял основную фортификационную нагрузку, но при условии возведения бревенчатого забора поверх него. Защитные функции единой конструкции рва и вала без сооружения стены были малоэффективны.

Важными элементами характеристики городищ являются их размеры и планировка расположения жилых и хозяйственных конструкций внутри замкнутого пространства. На городище Городок (площадь которого составляет чуть более 2000 кв. м) У.Э. Эрдниев в 1954 г. зафиксировал жилищные впадины различных форм и размеров, которые имели круговое расположение вдоль вала, реки и оврага. Этот же ученый зафиксировал и исследовал четыре средневековых жилища на городище Маяк, которые тоже располагались вдоль границ жилого пространства, по берегам Томи, сухого и водопадного оврагов. В центральной части двух обследованных городищ не было обнаружено жилищ и хозяйственных подсобных сооружений. Такая форма застройки позволяет классифицировать способ организации построек относительно друг друга как относящийся к типу – замкнутый (или кольцевой). Такая застройка была логичной для городищ, которые выполняли многочисленные социальные функции. Ведь жилища и хозяйственные постройки, находящиеся вблизи стен, были больше защищены от внешнего нападения. Кроме того, городищам как административным центрам своего времени были необходимы площадки в центре, которые можно было бы использовать для

различных сборищ, торгово-экономических, культурных и религиозных действий.

На двух исследуемых городищах имелся довольно мощный культурный слой. При раскопках городищ были зафиксированы многочисленные находки не только керамической посуды, но и многих других изделий и фрагменты костей животных. Все эти обстоятельства, а также тот факт, что исследователи, изучающие эти памятники, датировали их в достаточно широких хронологических пределах в 3–4 столетия, можно предполагать долгий период их реального функционирования. Это наряду с предполагаемыми затратами на их сооружение подтверждает особую социальную значимость городищ по сравнению с другими средневековыми поселениями Кузнецкой котловины.

Неукрепленные поселения традиционно различают по своему назначению и таким показателям, как размеры, планировка и мощность культурного слоя. Практически все исследуемые поселения, как правило, однотипны и располагаются на невысоких, как правило, пойменных террасах вблизи воды. Иногда выбирали место для строительства поселения, несколько выделенное топографическими особенностями рельефа местности. Преимущественно это мысовидные площадки, небольшие возвышенности, выступы террас, но обязательно рядом с водоемом. Не исключено, что поселения, расположенные на низменных берегах рек, относятся к категории летних (временных), используемых в летнее время для ловли рыбы и выпаса скота на заливных лугах. А поселения, расположенные выше уровня воды, относятся к категории зимних (стационарных) поселков, которые служили долгое время. Традиция сооружения летних и зимних поселений известна у многих народов Западной Сибири – томских татар, барабинцев и чулымских тюрков [29, с. 21]. Вероятно, эта культурная традиция имела место и у средневекового населения Кузнецкой котловины.

На момент обнаружения и исследования поверхность почти всех поселений подвергалась различным разрушениям, среди которых наиболее распространенными являются распашка, функционирование грунтовых дорог и подмыв береговой террасы. Это обстоятельство позволяет определять площадь памятников лишь приблизительно. Размеры поселений незначительны, как правило, они не превышают 6000 кв. м, а самое крупное – многослойное поселение Сосновка-4 – составляет площадь 12500 кв. м. Основная масса поселений подвергнута лишь разведочному осмотру или небольшим раскопам, и материал с них представлен в большинстве своем костями животных, фрагментами керамики, древесными углями и шлаками. Стационарные исследования на отдельных средневековых поселениях свидетельствуют, что находки сконцентрированы преимущественно в жилищах, а на межжилищном пространстве они встречаются очень

редко. На многих поселениях средневековый культурный слой не обнаружен в чистом виде, а зафиксирован как смешанный, состоящий из материальных остатков различных хронологических эпох. На единичных однослойных средневековых поселениях культурный слой имеет мощность 10–30 см или характеризуется как незначительный. Необходимо отметить, что этот признак – мощность культурного слоя – весьма условен, так как при разведочных обследованиях на поселениях большой площади бывает очень трудно точно определить мощность культурного слоя по той причине, что она зачастую имеет разные величины на разных участках одного и того же памятника. Как правило, зачистка разрушенных террас, закладка шурфов или небольшие раскопы в центре и по краям поселений не позволяют специалистам зафиксировать полную картину архитектурной планировки при сооружении жилищ и различных хозяйственных конструкций средневековым населением Кузнецкой котловины. Однако о том, что в это время имелись традиции сооружения разнообразного вида поселений и логика соотношения в пределах этого жилого пространства и вблизи него различных по функциональному назначению объектов, можно не сомневаться. Хотя на это указывают лишь косвенные признаки. Лишь на крупных поселениях при визуальном осмотре или при стационарных раскопках большими площадями было выявлено упорядочение сооружения жилищ и хозяйственных построек.

На отдельных поселениях, расположенных в Верхнем и Среднем Притомье, были зафиксированы жилищные западины, вытянутые в один ряд, как правило, подчиняющиеся рельефным изменениям ландшафта. В частности, на Есауловских поселениях жилищные западины располагались цепочкой на гребне гор и были ориентированы по их оси [20, с. 14], а на поселениях Сосновка-3 и Сосновка-4 они расположены одной линией на прибрежной террасе, которая подковообразно изгибается, подчиняясь течению реки [13]. Все эти факты свидетельствуют о том, что на неукрепленных поселениях использовался преимущественно линейный или дуговой тип планировки жилищ, когда они вытягивались в цепочку или ряд вдоль основного ландшафтного ориентира края береговой террасы или гребня горы.

При раскопках единичных поселений кроме остатков жилищ были выявлены другие сопутствующие им сооружения и конструкции. В основном это грунтовые ямы, которые выполняли хозяйственные или ритуальные функции. В частности, на поселении Торопово-4, расположенном в долине Касьмы, в центральной части раскопа 1 были зафиксированы две грунтовые ямы №3 и №10, где были найдены фрагменты костей животных и предметы материальной культуры (крупный керамический сосуд, фрагменты керамической посуды и костяные изделия). Другой случай был выявлен на юго-

западной окраине поселения Шабаново-10 в раскопе 2, где была выявлена грунтовая яма №1 овальной формы (размеры – 1,96×0,89×0,52 м). Длинной осью она была ориентирована по линии ЗЮЗ-ВСВ. После зачистки в яме были выявлены остатки двух деревянных шестов со следами перегнившей органики (предположительно кожи) и фрагменты скелета коровы (или быка), находящиеся в анатомическом сочленении. По положению костей и деревянных шестов можно предполагать, что эта грунтовая яма представляет собой жертвенное место, где были захоронены отдельные части туши крупного рогатого животного после его полного расчленения. Вероятно, их доставили на носилках, которые представляли собой два шеста, на которых была закреплена шкура убитого животного, и вместе с ними погребли в грунтовой яме. С каким конкретным ритуалом было связано это захоронение животного, сказать сейчас невозможно. О том, что это ритуальное захоронение составляет единое культурное пространство вместе с культурным слоем средневекового поселения, нет никаких сомнений, а значит, оно выполняло определенную функцию, связанную с исторической традицией жертвоприношения животных.

На время функционирования средневековых поселений указывают два обстоятельства – толщина культурного слоя и место расположения памятника, на основании которых поселения относят к группам стационарных (долговременных) и сезонных (кратковременных). Первый показатель достаточно условный, о чем выше уже говорилось. Однако нельзя отрицать и тот факт, что большая величина культурного слоя по всей площади поселения явно свидетельствует об его долговременном функционировании и активном ведении хозяйства его населением.

В некоторых случаях средневековые поселения Кузнецкой котловины находятся вблизи одновременных погребальных и культовых памятников. Первым на это обратил внимание М.Г. Елькин [3, с. 124–129]. Это обстоятельство позволяет предполагать этнокультурную близость различных по содержанию археологических памятников и, соответственно, интерпретировать в таком случае поселения как стационарные или долговременные. На явную сезонность указывают исследованные в долине Касьмы участки поселений Торопово-4, Шабаново-5 и Шабаново-10, которые располагаются на первых пойменных террасах и ежегодно заливаются весной паводковыми водами. Очевидно, что они могли функционировать только летом, зимой и осенью. При этом, наиболее вероятно, эти места проживания функционировали как необходимое средство выполнения конкретных сезонных, хозяйственных задач – рыболовство, пойменное земледелие или заготовка сена, на что указывают и находки с этих поселений. Хотя нельзя исключать и тот факт, что эти поселения в периоды засухливости и понижения уровня воды в речках

могли быть стационарными. Косвенно на характер поселений – стационарное или сезонное – указывает условный средний показатель величины количества находок на 1 кв. м. На стационарных поселениях этот показатель, как правило, выше в несколько раз. Очень важным обстоятельством, указывающим на характер поселения, является также материал основных конструкций жилых и хозяйственных построек, но, к сожалению, он редко сохраняется.

При сравнении средневековой традиции сооружения мест проживания в Кузнецкой котловине с предшествующими хронологическими периодами (эпохи неолита, бронзы и раннего железного века) можно отметить сходство в выборе места расположения и планировки поселений. Как правило, они находились на надпойменных террасах и были вытянуты вдоль их береговых контуров. Предпочтение отдавалось местам близ слияния рек и ручьев и террасам в форме мыса, которые с трех сторон омывала вода. Эта традиция имела место и в Новое время у аборигенных этносов Кузнецкой котловины [20, с. 13–14]. Длительное существование единообразной традиции выбора места проживания и его планировки в Кузнецкой котловине, вероятно, связано с адаптационным процессом общества к естественной природной среде региона. Этот механизм сложился в древности и функционировал без существенных изменений в последующем, в том числе и в эпоху Средневековья. Однако необходимо отметить, что в данную эпоху появляются новации, которые перерастают в инновации и становятся традиционными. К их числу можно отнести сооружение сезонных мест проживания на заливных пойменных террасах или на гребне горы, а также появление укрепленных поселений – городищ. Можно отметить, что процесс появления новаций и перерастания их в традиционные черты культуры средневекового населения Кузнецкой котловины протекал в период развитого Средневековья.

Подводя итоги исследования, можно констатировать, что, с конца 1920-х гг. по настоящее время накоплена большая база источников для исследования средневековой традиции сооружения мест проживания в Кузнецкой котловине. Картографирование 39 средневековых поселений (рис.) отражает наличие трех скоплений этих объектов в бассейнах среднего и верхнего течения Томи, а также в бассейне Ини. Выявлена устойчивая традиция расположения мест проживания на берегах рек и ручьев, что позволяет классифицировать эти объекты как относящиеся к речному типу, а по конструктивным особенностям относить к двум типам – укрепленным (городища) и неукрепленным (поселения). Городища по своей планировке относятся к типу кольцевых, а поселения к типу однорядных вытянутых вдоль края береговых террас. Городища выполняли ряд функций – оборонительных, торговых, экономических и социально-политических

центров. Поселения по функциональному назначению относятся к типам сезонных и стационарных. Первые выполняли преимущественно хозяйственную функцию, а вторые – хозяйственно-экономическую. Последнее определяло место, занимаемое поселением в социально-экономической структуре средневекового общества Кузнецкой котловины. Сравнительный анализ средневековых мест проживания с аналогичными

объектами предшествующего и последующего хронологических периодов свидетельствует о преемственности культурной традиции их сооружения в истории культуры Кузнецкой котловины. В число инноваций этой культурной традиции, появившихся в Кузнецкой котловине в период развитого Средневековья, можно отнести появление городищ, сезонных поселений и их сооружение на гребне гор.

Библиографический список

1. Илюшин А.М. История и историография исследований по средневековой археологии Кузнецкой котловины : учебное пособие. – Кемерово, 1999.
2. Илюшин А.М. Краткая историография и история изучения средневековых поселений на территории Кузнецкой котловины // Пятые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова : матер. Всерос. научн. конф. – Омск, 2000.
3. Елькин М.Г. Поселение позднего железного века у г. Гурьевска // Известия лаборатории археологических исследований (ИЛАИ). – Вып. 5. – Кемерово, 1974.
4. Коротчаев А.М. К истории археологического изучения верхнего и среднего течения р. Томи // ИЛАИ. – Вып. 11. – Кемерово, 1979.
5. Кулемзин А.М. История изучения археологических памятников в Кемеровской области // ИЛАИ. – Вып. 13. – Кемерово, 1985.
6. Кулемзин А.М., Бородкин Ю.М. Археологические памятники Кемеровской области. – Кемерово, 1989.
7. Эрдниев У.Э., Шпарог Ю.А., Белошицкий Д.Д. Памятные места города Новокузнецка. – Кемерово, 1956.
8. Адамов А.А. Новосибирское Приобье в X–XIV вв. – Тобольск ; Омск, 2000.
9. Илюшин А.М. Методика датировки средневековых поселений Кузнецкой котловины // Историко-культурное наследие Северной Азии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий. – Барнаул, 2001.
10. Илюшин А.М. Позднесредневековая керамика Кузнецкой котловины как показатель этнокультурных процессов // Труды Томского областного музея. – Т. XVI. – Томск, 2010.
11. Кузнецов Н.А. Археологические памятники Проклаевского района // Кузнецкая старина. – Вып. 1. – Новокузнецк, 1993.
12. Окунёва И.В. Средневековые поселения Среднего Притомья // Проблемы археологии степной Евразии : тез. докл. – Кемерово, 1987. – Ч. 2.
13. Окунева И.В. Лачиновская культура // Памятники раннего средневековья Кузнецкой котловины. – Кемерово, 1997.
14. Ширин Ю.В. Орнаментация средневековой керамики Южного Кузбасса // Орнамент народов Западной Сибири. – Томск, 1992.
15. Ширин Ю.В. Поселения конца I тыс. н.э. в предгорьях Кузнецкого Алатау // Памятники раннего средневековья Кузнецкой котловины. – Кемерово, 1997.
16. Ширин Ю.В. Опыт музеефикации средневекового городища Притомья // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. – Вып. XI. – Барнаул, 2000.
17. Ширин Ю.В. Городище Городок и его окрестности в древности // Кузнецкая старина. – Вып. 6. – Новокузнецк, 2004.
18. Ширин Ю.В. Позднесредневековые поселения в западных предгорьях Кузнецкого Алатау // Древности Алтая. – №12. – Горно-Алтайск, 2004.
19. Эрдниев У.Э. К вопросу о возникновении древней металлургии в Кузбассе // Труды научной конференции по истории черной металлургии Кузбасса, посвященные 140-летию Гурьевского завода (1816–1956). – Кемерово, 1957.
20. Эрдниев У.Э. Типы древних поселений и жилищ в верховьях р. Томи // Некоторые вопросы древней истории Западной Сибири. – Томск, 1959.
21. Эрдниев У.Э. Городище Маяк. – Кемерово, 1960.
22. Беликова О.Б., Плетнева Л.М. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н.э. – Томск, 1983.
23. Конилов Б.А. Таёжное Прииртышье в X–XIII вв. н.э. – Омск, 1993.
24. Молодин В.И. и др. Бараба в тюркское время. – Новосибирск, 1988.
25. Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьёв А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. – Новосибирск, 1990.
26. Плетнева Л.М. Томское Приобье в позднем Средневековье (по археологическим источникам). – Томск, 1990.
27. Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). – Томск, 1997.
28. Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. – Новосибирск, 1998.
29. Лукина Н.В., Бардина П.Е. Поселения Западной Сибири по этнографическим данным // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 1: Поселения и жилища. – Томск, 1994. – Кн. II.
30. Томилов Н.А. Этнография тюркоязычного населения Томского Приобья (Хозяйство и материальная культура). – Томск, 1980.
31. Яковлев Я.А. Поселения северо-западной Сибири по фольклорным источникам // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 1: Поселения и жилища. – Томск, 1994. – Кн. II.